

На правах рукописи

Боуфал Зульфия Раифовна

**АКТУАЛИЗАЦИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ:
АВТОРИЗАЦИЯ И ПЕРСУАЗИВНОСТЬ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русского языка.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Демешкина Татьяна Алексеевна

Официальные оппоненты:

Фельде Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации, профессор

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», кафедра русского языка, славянского и классического языкознания, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Защита состоится 29 июня 2017 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус №3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » мая 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/BoufalZR29062017.html>

Ученый секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

Реферируемая диссертационная работа посвящена описанию модусных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес лингвистики к изучению диалектной речи заметно усилился на рубеже XX–XXI вв. в связи с пристальным вниманием исследователей к «человеческому фактору» в языке и формированием коммуникативной парадигмы диалектологического знания (В. Е. Гольдин, 1997). Развитие коммуникативной диалектологии находится в русле когнитивно-дискурсивных исследований отечественного языкознания.

Репрезентативным материалом для изучения реальной коммуникации являются записи живой диалектной речи, отражающие актуализацию модусных категорий авторизации и персуазивности.

В настоящее время анализ категорий авторизации и персуазивности осуществляется преимущественно на материале письменной формы литературного языка и художественного дискурса как особой формы его существования (С. П. Ламбарджян, 1981; Т. В. Шмелева, 1988, 1995; О. Н. Копытов, 2004, 2014; А. Г. Етко, 2008; А. В. Ревякина, 2008 и др.). Отдельные работы посвящены изучению авторизации и персуазивности в публицистическом (Е. Е. Долбик, 2005, 2011; М. М. Нетреба, 2010, 2011; О. Н. Копытов, 2011), научном (Ю. Г. Ясницкий, 1984; Е. А. Баженова, 2001; С. В. Гричин, 2003, 2010, 2014, 2015) и некоторых других типах дискурса.

Исследование квалификативных категорий авторизации и персуазивности на диалектном материале носит фрагментарный характер (С. П. Петрунина, 1992, 1993, 2007, 2008; Т. А. Демешкина, 2000, 2013, 2014; С. В. Волошина, 2013).

Актуальность диссертационной работы определяется ее включенностью в коммуникативную парадигму современной лингвистики; обращением к диалекту как особой форме коммуникации; необходимостью выявления новых данных для дальнейшего изучения диалектного синтаксиса; потребностью комплексного изучения модусных категорий диалектного высказывания с учетом различных аспектов; интересом лингвистов к проблеме синкретизма модусных категорий. Работа направлена на сохранение традиционной крестьянской речевой культуры, что также свидетельствует об ее актуальности.

Объект исследования – модусные категории авторизации и персуазивности.

Предметом являются семантические, функциональные, формальные свойства категорий авторизации и персуазивности, актуализированные в диалектном высказывании.

Основная **единица** анализа – высказывание, границы которого определяются исчерпанностью описания всех компонентов денотативной ситуации (Т. А. Демешкина, 2000). В рамках высказывания анализу

подвергаются лексемы – маркеры категорий авторизации и персуазивности. В качестве комплексных единиц анализа также используются фрагменты текстов: монологи, диалоги или полилоги, отражающие взаимодействие двух или нескольких коммуникантов.

Цель работы состоит в описании модусных категорий авторизации и персуазивности, актуализованных в диалектном высказывании.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) разработать теоретико-методологические основания диссертационного исследования и сформировать его эмпирическую базу;
- 2) создать методику описания авторизации и персуазивности в диалектной коммуникации;
- 3) описать способы и виды источников получения информации, представленные в диалектном высказывании;
- 4) выявить и описать способы ментальной обработки информации, вводимой в высказывание;
- 5) определить виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании;
- 6) проанализировать средства языкового воплощения категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании;
- 7) проанализировать характер взаимодействия квалификативных модусных категорий авторизации и персуазивности в рамках диалектного высказывания.

Материал исследования. Исследование выполнено на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. В качестве источников использовались личные записи автора, сделанные в 2014 г. в результате диалектологической экспедиции в старожильческие сёла Парабельского района Томской области (с. Парабель, с. Нестерово, с. Новосельцево); материалы диалектологических экспедиций, проводимых сотрудниками кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета; опубликованные томские диалектные словари, отражающие коммуникативную специфику среднеобских говоров (иллюстративный материал); опубликованные записи речи русских старожиллов Сибири¹.

Языковой материал насчитывает 5262 высказывания и фрагмента текстов, содержащих 5395 слов и словосочетаний – маркеров авторизации и персуазивности.

Методы и приемы исследования. Основным методом работы является метод научного описания, реализуемый в приемах наблюдения, сплошной выборки, классификации, систематизации, интерпретации, статистической обработки данных. В процессе анализа также были

¹ Иванцова Е. В. Живая речь русских старожиллов Сибири: Сб. текстов. – Томск, 2007. – 104 с.

использованы приемы экспликации модусных смыслов, элементы дискурсивного, контекстуального, семантического анализа.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на основополагающие теоретические работы в области синтаксиса, семантики, функциональной и коммуникативной грамматики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, В. А. Белошапкова, Т. В. Булыгина, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. Е. Гольдин, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева и др.), а также использованием значительного по объему и репрезентативности диалектного материала.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые представлено монографическое описание категорий авторизации и персуазивности на диалектном материале; осуществлен интегративный подход к описанию модусных категорий в диалектном высказывании; разработана модель описания категорий авторизации и персуазивности, функционирующих в диалектном высказывании, с учетом таких параметров, как способы и источники получения информации, способы ментальной обработки чужой речи, виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании, средства языкового воплощения авторизации и персуазивности, механизмы взаимодействия авторизации и персуазивности. В научный оборот введен новый материал, отражающий факты живой диалектной речи.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку теоретических проблем семантического синтаксиса и коммуникативной диалектологии. В работе выявлены семантические, функциональные и формальные свойства авторизации и персуазивности, характеризующие диалект как особую форму коммуникации; разработаны механизмы взаимодействия исследуемых категорий, актуализованных в диалектном высказывании. Результаты работы способствуют созданию теоретико-методологических оснований для описания авторизации и персуазивности в других типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, в учебно-педагогической практике, прежде всего при преподавании таких лингвистических дисциплин, как синтаксис, диалектология, курсов междисциплинарного характера – прагмалингвистики, медиалингвистики, юридической лингвистики и др., а также спецкурсов и спецсеминаров. Результаты исследования могут найти применение при написании учебных и методических пособий по проблемам коммуникативной лингвистики, семантического синтаксиса, диалектологии и др. Результаты анализа авторизации и персуазивности могут быть использованы при обучении русскому языку как иностранному. Материалы диссертации могут применяться в лексикографической практике, а также в практике лингвистических экспертиз, конфликтных текстов. Возможно

применение разработанной методики анализа для описания других модусных категорий диалектной коммуникации, а также для исследования авторизации и персуазивности в других типах дискурса.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Характеристика диалекта как особой формы коммуникации может быть дополнена спецификой актуализации модусных категорий авторизации и персуазивности, что проявляется: а) в характере источников информации; б) в способах получения информации; в) в наборе языковых средств выражения семантики авторизации и персуазивности.

2. Модель описания модусных категорий авторизации и персуазивности, актуализованных в диалектном высказывании, включает следующие параметры: способы и источники получения информации; способы ментальной обработки чужой речи; виды персуазивных значений, реализуемых в диалекте; средства языкового воплощения авторизации и персуазивности; механизмы взаимодействия анализируемых категорий.

3. Актуализация категории авторизации показывает, что основным источником получения информации является человек, представленный в высказывании с разной степенью обобщенности, а основным способом восприятия информации является непосредственное (перцептивное) восприятие окружающего мира, формирующее эмпирико-событийный тип знания.

4. Персуазивность в диалекте репрезентируется широким кругом лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности, реализующих в диалектном высказывании комплекс разнообразных смыслов: экспрессивное утверждение, предположение, сомнение, осложняющиеся оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения, кажимости и др. Актуализация категории персуазивности так же, как и актуализация авторизации, свидетельствует о том, что в диалекте преобладают знания, полученные путем непосредственного наблюдения (через зрительное или слуховое восприятие), которые в разной степени соотносятся со знаниями, приобретенными говорящим в результате логического умозаключения.

5. Модусные категории авторизации и персуазивности взаимодействуют в пределах высказывания. Взаимодействие авторизации и персуазивности проявляется в сфере выражения «чужого» знания при передаче информации, полученной из сообщения других лиц, в сфере выражения непосредственного чувственного восприятия, рационального знания. Оценка достоверности информации формируется с учетом степени доверия говорящего к источнику информации.

Апробация исследования. Исследование прошло апробацию в виде докладов на международных научных конференциях «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемерово, 2010, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014), Всероссийских научно-практических

конференциях «Российское образование в XXI веке: проблемы и перспективы» (Анжеро-Судженск, 2009), «Научное творчество молодежи» (Анжеро-Судженск, 2008, 2009, 2016), «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2013), региональной научно-практической конференции молодых ученых «Филологические чтения-2014» (Новосибирск, 2014), а также на Всероссийском научном семинаре с международным участием «Словесная культура в Сибири» (Томск, 2016). Результаты исследования обсуждались на методологическом семинаре кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка локальных помет, списка использованных источников и литературы, двух приложений, в которых представлены количественные данные употребления маркеров авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются цель, задачи и методы работы, выделяются объект и предмет анализа, определяется научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы исследования модусных категорий авторизации и персуазивности»** представлено описание теоретико-методологических основ работы.

В **разделе 1.1 «Модус и модальность»** разграничиваются понятия «модус» и «модальность». Отмечается новизна термина «модус» для отечественной лингвистики, неупорядоченность в употреблении понятий «модальность» и «модус», обусловленная их семантической смежностью, многомерность и многоаспектность исследуемых понятий. Понятия «модус» и «модальность» в реферируемой работе разграничиваются и интерпретируются в русле концепции, разработанной Т. В. Шмелевой². Термин «модус» понимается широко как комплекс субъективных смыслов, или субъективных аспектов, привносимых говорящим в объективное содержание высказывания. Модальность, таким образом, рассматривается как категория модуса, идущая от говорящего и выражающая круг значений, маркирующих событие как реальное или ирреальное.

В **разделе 1.2 «Подходы к описанию модусных категорий высказывания»** представлены основные подходы к описанию категорий модуса.

² Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. докт. филол. наук в виде научного доклада. – М., 1995. – 40 с.

Набор модусных смыслов в работах разных авторов варьируется (В. Г. Гак, 1978; Н. И. Большакова, 1993; Т. В. Шмелева, 1995; М. В. Всеволодова, 2000 и др.), что объясняется сложной природой модуса, особенностями языкового выражения, разнообразием концепций и т.д. В основу большинства рассмотренных классификаций положено назначение модусных категорий в коммуникативной организации высказывания. В данной работе принимается концепция категории Т. В. Шмелевой, в рамках которой выявляется модус-потенциал высказывания.

Краткий обзор научных работ демонстрирует, что основные подходы к исследованию категорий модуса разработаны на литературном материале. Модус диалектного высказывания оказывается малоисследованным, представляет собой фрагментарную картину с большим количеством лакун.

В разделе **1.3. «Категория авторизации: основные теоретические аспекты исследования»** представлен обзор подходов к анализу категории авторизации, определена сущность категории и ее признаки.

В подразделе **1.3.1 «Традиции изучения категории авторизации в отечественной лингвистике»** представлен анализ работ, посвященных описанию категории авторизации. В данном подразделе отмечается, что в лингвистических исследованиях авторизация получает различные терминологические обозначения: «цитатив» (И. А. Мельчук, 1998); «эвиденциальность» («пересказывательность») (Е. Е. Корди; Н. А. Козинцева, 2007; В. С. Храковский, 2007) и др. Однако в отечественной лингвистической школе под влиянием работ Г. А. Золотовой (Г. А. Золотова, 1973) складывается традиция обозначения источника или способа получения информации термином «авторизация».

В настоящей работе авторизация интерпретируется как модусная категория, предполагающая квалификацию двух обязательных параметров информации: а) «своя»/«чужая» по отношению к автору и б) способ и источник получения информации. В то же время, вслед за Т. А. Демешкиной, в работе отмечается когнитивно-дискурсивный характер авторизации, взаимодействующей «с другими модусными категориями внутри высказывания», находящейся «на пересечении множества связей и отношений категорий и явлений другого уровня, представляющих внешнюю среду и проецируемых в диктумный слой семантики высказывания»³.

На основе ряда теоретических работ в качестве основных свойств категории авторизации в подразделе **1.3.2 «Признаки категории авторизации»** рассматриваются: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является универсальная дихотомическая оппозиция по линии «свое»/«чужое»; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) совокупность языковых средств выражения,

³ Демешкина Т. А. Авторизационные показатели в обыденной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.: Труды и материалы Моск. ун-та. – М., 2014. – С. 333.

образующих систему на разных уровнях языка; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

Раздел 1.4 «Теоретические аспекты исследования категории персуазивности» посвящен описанию теоретико-методологических основ исследования категории персуазивности.

В подразделе **1.4.1 «Логико-философские основы изучения категории персуазивности»** представлен логико-философский аспект исследования анализируемой категории. Выход за границы собственно лингвистического анализа в область философии и логики позволяет определить природу, языковую реализацию модусной категории персуазивности, выявить механизмы, лежащие в ее основе. В подразделе **1.4.2 «Лингвистические традиции исследования категории персуазивности»** рассматриваются теоретические положения, касающиеся категории персуазивности, уточняется термин «персуазивность». Понятие персуазивности имеет несколько определений, что обусловлено его междисциплинарным характером и разнообразием подходов к изучению. В диссертационном исследовании «персуазивность» понимается как модусная категория, квалифицирующая информацию в аспекте уверенности или неуверенности говорящего в ее достоверности. Важно отметить, что здесь имеется в виду подход к достоверности с лингвистической позиции: именно субъективное отношение автора, а не достоверность/недостоверность «как объективное свойство информации, подлежащее проверке»⁴.

В подразделе **1.4.3 «Признаки категории персуазивности»** на основе анализа научных трудов, посвященных данной проблеме, выделяются основные признаки категории персуазивности: 1) наличие собственного содержания, основой формирования которого является семантическая оппозиция «уверенность»/«неуверенность»; 2) эксплицитность/имплицитность средств выражения; 3) разноуровневый характер языковых средств выражения; 4) взаимодействие с другими модусными категориями.

В разделе **1.5 «Методика описания авторизации и персуазивности в диалектном высказывании»** представлена методика описания исследуемых категорий в диалектном высказывании.

Анализ модусных категорий авторизации и персуазивности, предложенный в работе, позволяет не только выявить характер их актуализации в диалектном высказывании, но и дополнить признаки диалекта как особой формы коммуникации.

Перечень параметров, на основе которых могут быть описаны модусные категории авторизации и персуазивности в диалектном высказывании, включает способы и источники получения информации, позволяющие выявить характер восприятия знания в диалектном дискурсе;

⁴ Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. докт. филол. наук в виде научного доклада. – М., 1995. – С. 28.

способы ментальной обработки чужой речи, демонстрирующие активную роль говорящего, осуществляющего в ходе коммуникации различного рода умственные операции над чужой речью; виды персуазивных значений, реализуемых в диалектном высказывании; средства языкового воплощения авторизации и персуазивности, включающие набор лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности; механизмы взаимодействия анализируемых категорий. Использование перечисленных параметров обуславливает характер методики анализа категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Методика описания категории авторизации в диалектном высказывании включает несколько этапов. 1) Первый (предварительный) этап имеет своей целью выявление высказываний и текстовых фрагментов, содержащих слова и словосочетания – маркеры авторизации. Следующие этапы связаны с систематизацией языкового материала путем построения ряда классификаций: 2) описание способов получения информации, представленных в диалекте; 3) классификация источников информации, полученной «из чужих рук»; 4) анализ способов ментальной обработки чужой речи, вводимой в высказывание; 5) характеристика выявленных авторизационных показателей с указанием частотности их использования в анализируемом материале; 6) классификация маркеров авторизации в соответствии с их системной принадлежностью.

Методика описания категории персуазивности в диалектном высказывании осуществляется по следующим «шкагам»: 1) выявление высказываний и текстовых фрагментов, содержащих маркеры персуазивности; 2) описание видов персуазивной семантики, реализуемой в диалектном высказывании; 3) классификация показателей персуазивности в соответствии со способом получения знаний, отраженном в диалектном высказывании; 4) лексико-грамматическая классификация выявленных персуазивных маркеров (с указанием частотности их использования в анализируемом материале); 5) классификация экспликаторов персуазивности в соответствии с их системной принадлежностью.

Обобщающим (завершающим) этапом анализа категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании является выявление механизмов взаимодействия указанных категорий в пределах высказывания.

Вторая глава «Актуализация категории авторизации в диалектном высказывании» посвящена анализу категории авторизации в соответствии с разработанной методикой.

В разделе 2.1 «План содержания категории авторизации, актуализованной в диалектном высказывании» представлено описание плана содержания анализируемой категории.

План содержания категории авторизации организует оппозиция «свое»/«чужое», эксплицируемая в языке и культуре (А. Н. Серебренникова, 2005; Н. В. Курикова, 2008; О. Ю. Крючкова, 2010; О. В. Фельде, 2011; М. А. Харламова, М. А. Карташева, 2014 и др.). Сообщая информацию, автор

квалифицирует ее как принадлежащую ему самому («свое») или кому-либо другому («чужое»). При изложении информации диалектоноситель может указать на способ («канал») получения информации и ее источник, что существенно для передачи информации, полученной «из чужих рук».

С опорой на ряд исследований (Е. С. Яковлева, 1994; Т. А. Демешкина, 2000, 2015; В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, 2008 и др.) в подразделе **2.1.1 «Способы получения информации и их отражение в диалектном высказывании»** дифференцированы чувственный (перцептивный) и логический (ментальный) способы получения информации, в основе разграничения которых находится оппозиция декларативного и процедурного видов знания, классифицируемых по разным основаниям. Отдельно выделен третий, чувственно-логический способ получения информации, обусловленный как органами чувств, так и мышлением. В данном случае знания, полученные через непосредственное (чувственное) восприятие, соотносятся со знаниями, приобретенными говорящим в результате логического умозаключения.

В анализируемом материале зафиксировано 20% высказываний, отражающих чувственный способ получения информации. Прежде чем осмыслить окружающую действительность, человек воспринимает ее посредством органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. Зрительные, слуховые и другие ощущения позволяют диалектоносителю воспринимать явления окружающего мира непосредственно, без привлечения логического вывода и общих знаний: *Я слышала, что в пять часов собака лаяла; Это был цирк в городе. Видела, как Дуров выезжал в кошёвке.*

В высказываниях, отражающих логический (ментальный) способ получения информации (17%), говорящий постигает действительность не с помощью органов чувств, а путем умозаключения при использовании законов логического мышления: *Его раскулачили. Выгнали из дому. Уж я думаю потому, потому что в то время ведь мало ведь справедливости было.* Высказывания, отражающие логический способ получения информации, проявляются в ситуациях, недоступных для непосредственного чувственного восприятия говорящего (разного рода предположения, логический вывод, причинно-следственные отношения, прогноз на будущее). Появление высказываний, отражающих логический (ментальный) способ получения информации, характерно в ситуации осуществления говорящим метаязыковой рефлексии: *Бывают беленькие, бывают голубенькие, светленькие ветреницы. Незатейливые такие, а может, оттого, что на ветру растут, их так зовут ветреницы; Девятисил, у него прямой стебель, цветки жёлтые [...] Называют так, наверно, потому, что девятью силами обладает или от девяти болезней помогает.*

К особому типу источников информации относятся воспоминания говорящего и ссылка на чужую речь (63%).

С одной стороны, описания по памяти возникают на основе мыслительной деятельности, так как говорящий припоминает события, но не

воспринимает явления действительности чувственным путем. С другой стороны, фрагменты, явления мира, которые диалектоноситель восстанавливает в памяти, воспроизводятся как непосредственно воспринимаемые органами чувств; ср.: воспоминание – «ретроспективное непосредственное восприятие» (Е. С. Яковлева, 1994), «сознание о бывшем воспринятом бытии» (Э. Гуссерль, 1994), ретроспективное восприятие своего прошлого «сенсорно-перцептивно-когнитивного опыта» (Т. И. Семенова, 2007). Говорящий вспомнил события, следовательно, он располагает о них непосредственной информацией: *Я как щас вспомню, у нас всегда в амбаре была рыба; Ой, я всё помню, ходили сапоги-то берегли, идёшь да бережёшь их, осподи...*

Понятие чужой речи в реферируемой работе носит условный характер. Чужая речь включает не только воспроизведенную (пересказанную) речь другого лица, но и речь «самого говорящего, если она вводится в высказывание другого временного плана»⁵.

В анализируемом материале представлены высказывания, отражающие, с одной стороны, диалогичность диалектной речи, с другой – ее эгоцентрический характер: 1) высказывания с отсылкой к информации, полученной «из чужих рук»; 2) высказывания с отсылкой говорящего к самому себе как источнику информации (самоцитация).

Самоцитация как разговорная черта обусловлена принципом антропоцентричности и эгоцентричности диалектного повествования, которое строится по принципу «я и событие», «событие моими глазами» (Е. В. Иванцова, 2002; О. А. Казакова, 2005; В. Е. Гольдин, 2009). Рассказывая о тех или иных событиях, передавая диалог, говорящий как бы отстраняется от настоящего, становится одним из участников ситуации диалога: *Я всё Рае говорю: «Рая, ты поезжай-ка в Москву, ну-ка выберешь там жениха»; Я говорю: «Я в люди-то не хожу из-за этого [из-за болезни] никогда».*

Условие передачи чужой речи – отсутствие непосредственного, чувственного восприятия: сообщение пересказывается со слов другого лица. Однако в диалектной речи как особой форме коммуникации при воспроизведении чужого слова создается эффект присутствия говорящего при описываемых событиях, даже при отсутствии его непосредственного участия в речевой ситуации. Говорящий словно перевоплощается в того человека, чью речь воспроизводит, передает его интонации, темп, тембр, индивидуальные речевые особенности, сопровождает речь изобразительными жестами, мимикой: *А потом говорит [сноха] (имитируя голос, тембр и интонацию речи снохи): «Мама, а тебе надо цветы, у меня много осталось».* В диалектной коммуникации данное свойство обусловлено рядом закономерностей, характерных для общения на диалекте в целом, в частности, принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего

⁵ Русская грамматика: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 485.

общения, принципами изобразительности и иконичности диалектного повествования (Гольдин, 1997; Крючкова, Гольдин, 2008).

Основной формой передачи чужой речи (как своей, так и полученной «из чужих рук») является прямая речь (81%), что обусловлено уже упоминаемым принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения.

В подразделе 2.1.2 «Источники чужой информации, представленные в диалектном высказывании» предлагается деление источников информации на два вида: 1) человек как источник информации, S – лицо (определенное, неопределенное, обобщенное); 2) S – СМИ (радио, газеты, телевидение).

Количественный анализ источников информации, полученной «из чужих рук», показал, что основным источником информации для диалектоносителя является другой человек (93%), представленный с разной степенью обобщенности. Основная информация получена говорящим в ходе непосредственного живого общения, что отражает традицию устного речевого общения.

В высказываниях с определенным источником информации диалектоноситель в большей степени апеллирует к речи конкретных, хорошо знакомых ему лиц, – родственников, односельчан, знакомых, соседей (42%): *Мама говорит: «Девчонки, вставайте картошки чистить!»; Бабка Устинья говорила, париться надо крапивою, если спину прихватило.* Ссылка на конкретный источник чужой информации в диалектном высказывании используется диалектоносителем как средство подтверждения истинности сообщаемых сведений, связана с необходимостью соблюдать коммуникативную норму – сообщать правдивую, истинную информацию.

Источник информации может не называться и мыслиться как лицо неопределенное (некто, кто-то сказал) (33%). Автор чужой речи не известен говорящему или, наоборот, известен, но намеренно устраняется. В данном случае диалектоносителю важно сосредоточить внимание не на источнике сообщения, а на его содержании. Поскольку субъект речи представлен как неопределенный, это позволяет усилить значимость передаваемой информации различного содержания: *Боровских Валера перешёл, гыт, к Людмиле Сергевне; А мне кто-то сказал, его [укроп] надо клась в банку да протолочь, шибче забивать, ну, набивать туго.*

Для ряда высказываний характерен признак обобщенности, имеющей различную степень своего проявления: *Говорят да и говорили, что уши, например, надо прокалывать, когда черёмуха цветёт; А всё говорят: «Кто в сорочке родился, тот счастливый».* Субъект речи в подобных высказываниях не определен, однако нельзя не отметить, что неопределенность субъекта в случае с обобщенным и неопределенным автором носит различный характер. Если в высказываниях с неопределенным автором источник информации мыслится как «кто-то, некто (сказал)», то в высказываниях с обобщенным автором под источником информации

подразумеваются «все люди вообще» (для всех людей это утверждение свойственно). Наиболее характерно появление высказываний со ссылкой на обобщенного автора в ситуации «собиратель – информант», когда говорящий и адресат являются носителями разных типов коммуникаций⁶: *Когда человек экономный, у нас «скупой» ещё называют, он всё экономит, бережёт; хлеб ли, одежду не носит, бережёт, говорят, «экономный, бережливый человек».*

Апелляция к обобщенному источнику информации обусловлена включенностью диалектоносителя в коллективный опыт поколений (свод правил, устоев и т.д.), связана с осознанием говорящим самого себя как части традиции (*старики говорили, в старину говорили* и т.д.).

В современном мире источником информации для жителя села является не только человек, но и средства массовой информации (7%), «канал» информации, с помощью которого передаются события, касающиеся разнообразных областей жизни. В высказываниях содержатся новости, информация о дорожных происшествиях, прогнозы погоды, советы и т.д.: *А сёдня-то, например, передали дождж, но дожджа не должно быть. Да, по этому передали, по Томску и по области.*

Анализируемый материал показал, что «чужое» слово в диалекте органично вплетается в собственную речь диалектоносителя, авторский текст как бы «подключается» к чужому, интерпретирует его. Иными словами, происходит взаимодействие между «чужим» и «своим», «чужое» осмысливается через призму интерпретирующего восприятия носителя диалекта. Как субъект-пользователь чужой информацией, диалектоноситель может преобразовывать ее в своих коммуникативных целях: сопровождать комментариями, уточнять, конкретизировать, оценивать, добавлять собственную информацию.

В подразделе **2.1.3 «Способы ментальной обработки чужой речи в диалекте»**, вслед за Т. А. Демешкиной, указанные способы делятся на две группы в зависимости от того, «является ли автор чужой речи участником ситуации общения или только участником ситуации, которую описывает говорящий»⁷. В ситуации непосредственного участия в диалоге говорящий может выражать свое согласие или несогласие с утверждением собеседника: *Чё-то он сказал, однако, две тысячи [пенсии получает]. – Ну, две! Больше, теперь больше фронтовики получают.* Реакция несогласия с мнением собеседника выражается через повтор предшествующей реплики (или ее части, слова), а также посредством риторических вопросов. Предшествующее высказывание представляет собой ядро информации, которая получает

⁶ Гынгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 237.

⁷ Демешкина Т. А. Когнитивные операции с чужой речью в диалектной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г. / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. – Т. 6. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 196.

эмоциональную реакцию в реплике-повторе: ... *щас будет сельсовет, может... – Дак а толку-то чё! – Дак ты пошто такой-то? «Толку, толку?»*

В ситуации косвенного взаимодействия с автором чужой речи диалектоноситель представляет свою точку зрения более убедительно, переходя к развернутой аргументации, свободнее варьируя эмоционально-экспрессивную окраску. В анализируемом материале отмечены разнообразные ментальные операции над вводимой в коммуникацию чужой информацией: 1) комментарий или пояснение чужой информации, осуществляемые для выражения согласия или несогласия с чужой речью: *У нас старушка была старая, она неграмотна была, всё про эту жизнь говорила, что будет. «Придёт то время, не будет ни птицы, ни рыбы, народ будет бесстыжий, беззаконство будет, безбожество». Как могла знать? А всё и правда. Теперь народ бесстыжий, с реки голы идут. Беззаконство, безбожество, закон божий не принимают, не венчаются. Вот это пришло, всё пришло;* 2) эмоционально-экспрессивная оценка речи: *А щас всё [иронически передразнивает свою жену]: «Сыночка, бедненький, не кормют там...». А у нас «закармливали» без ума!;* 3) развитие чужой мысли (досказывание): *А хуже русских нет, наверно. А всё по радио передают: «Россия – это мы». Ешо бы подставили: «дураки». Всю Россию продали, и всё. И куда годно это? и др.*

В разделе 2.2 «Языковые средства выражения категории авторизации в диалектном высказывании» характеризуются лексико-грамматические средства выражения категории авторизации.

В разделе содержится характеристика таких средств выражения авторизации, как 1) глаголы речи (58%), восприятия (20%), ментальные глаголы (15%); 2) вводно-модальные слова, сочетания, предложения и частицы (7%). Наблюдения показывают, что арсенал глагольных лексем, вводящих чужую речь, в диалекте достаточно широк и включает лексем, совмещающие функцию авторизации с модусом оценки речевого поведения автора: *кричать, реветь (=громко кричать), рёвом реветь, гаркать, взъесться (=рассердившись, начать упрекать, говорить грубо, невежливо) и др.: Она на перемене **ревёт**: «Девчонки, кому лепендырки [лепёшки] надо?»; А она так **взьелась** на меня: «Осподи, а я почем знаю? Он не был тут-ка».*

План выражения модусной категории авторизации включает набор лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности, маркирующих способ и источник получения информации: общерусские слова (*видеть, слушать, говорить, думать, отвечать, по-моему, по-нашему* и др.); диалектные варианты общерусских слов (*представлять* «думать, размышлять»); диалектно-просторечные слова (*гаркнуть, дескать, мол*); собственно диалектные слова и выражения (*грит, гыт, рёвом реветь*); диалектные варианты диалектно-просторечных слов (*взьесться, дискать*).

Третья глава «Актуализация категории персуазивности в диалектном высказывании» посвящена анализу категории персуазивности в соответствии с предложенной методикой описания.

В разделе 3.1 «Семантика уверенности и ее экспликация в диалектном высказывании» выявляются средства языкового воплощения семантики уверенности, характер их функционирования в диалекте.

Семантика уверенности передается вводно-модальными словами, выражениями и модальными частицами (11%), наречиями (1%), фразеологическими сочетаниями (3%). Для выражения уверенности говорящего в достоверности информации в диалекте имеется собственный круг языковых средств, представленный единицами разной системной принадлежности: общерусскими словами (*а*) *как же, Боже мой, действительно, ей-богу, как (же) не, конечно* и др.; собственно диалектными словами и выражениями: *всяко, знамо, на правду сказать, правда что*; диалектными и диалектно-просторечными вариантами общерусских слов: *известно, чё будешь там говорить*.

В диалектной речи маркеры уверенности употребляются для экспрессивного подтверждения собственных слов или слов собеседника: *Ты бы от ничё не покупала, а приехала бы так. Правда. А то за дорогу заплатить надо...; [Из-за пустяка поссорились?] Ну конечно. Из-за чё? Пряма ни из-за чё*. Экспрессивное утверждение говорящего сопровождается восклицательной интонацией, утвердительными и усилительными частицами, осложняется различными эмоциональными оттенками: *Вот уж мне-то поверь, я не вруша, никогда не вру ничё... Да вот, Катя, вот ей-богу, как вот богу, так от...; Девочки, у меня уже, и, конечно, память не та, вы чё хотели! Ну-ка поживи столько, и всё это знать-помнить!*

Принципы поведения диалектоносителей ориентированы на общепринятые нормы. Модусные показатели с семантикой уверенности эксплицируют представление носителя диалекта о стереотипной ситуации, существующей в его сознании, выражают традиционные представления о том, каким должно быть «правильное» положение дел в соответствии с установленными в обществе нормами. Для диалектоносителя важно не столько описать фрагмент мира, сколько соотнести его с собственной ценностной картиной мира: *Конечно, работать приходилось много* = не могло быть иначе, так как всем приходилось много работать; *И у попа крестилась, тогда, моя милая, все у его крестились. А как же, раньше так вот и было*. Описанные в высказываниях события в силу своей типичности для сельского социума получают однозначную трактовку с точки зрения моральных, нравственных, этических принципов.

Раздел 3.2 «Семантика неуверенности и ее экспликация в диалектном высказывании» посвящен выявлению видов семантики неуверенности и описанию средств ее выражения.

В подразделе 3.2.1 «Виды значений неуверенности, представленные в диалектном высказывании» описан круг значений неуверенности, в который входят две ключевые семантические области – предположение и сомнение, осложняющиеся дополнительными оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения, кажимости, гадательности и

др. Семантика предположения основана на выводе говорящего, полученном в результате логической обработки информации, и представлена маркерами, регулярно встречающимися при выдвижении гипотезы, установлении причинно-следственных связей, осуществлении прогноза и т.д.

Вслед за Е. Н. Топтыгиной⁸ выделяются обоснованное предположение, основывающееся на частичном владении диалектоносителем информацией, достаточной для того, чтобы предположение было вполне аргументированным: *Алименты она получают. Отец хотел его [ребёнка] забрать, но она его не отдаёт, видимо, из-за алиментов, потому что ребенка-то ей не надо*; необоснованное предположение (предположение-догадка): *А в яму сюда, в подполье, кладём этот «идеал». Эту, что ли, скороспелку*; предположение на основе чувственного восприятия мира: *Вон, смотри, у кузницы, однако, наша корова. Нет, телятишки.*

Семная структура предположения может осложняться дополнительными оттенками неопределенности, приблизительности, желательности, допущения и др.: *Ну, нонче-то, по-моему, с мешок, что ли, ли полтора ли брали, ли два ли. Да он от матери привозил – ездит часто туда* (предположение+неопределенность, приблизительность); *У меня внучка в Томском работает. Может, женишишко найдётся* (предположение+желательность); *Сталин был сослан сюда вот в Нарым, он как-то был. У его здесь и ребёнок остался. Теперь он тоже как бы не постарей меня. Наверно, постарше меня. А может быть, его уж нету* (предположение+гадательность).

К высказываниям со значением предположения близки контексты, эксплицирующие мнение говорящего: *Мне кажется, это названия просто остяцкие [Пара и Бель]*; *Двадцать с утра, а щас мать говорит, пятнадцать, ну там солнышко выглянуло... По-моему, мне кажется, так же двадцать осталось.* Мнение сопровождается более категоричной интонацией, чем предположение. Диалектоноситель уверенно излагает свою точку зрения по какому-либо вопросу. В то же время введение в контекст слов *мне кажется, по-моему, однако* может служить сигналом некатегоричности. Некатегоричный тон повествования, очевидно, связан с неавторитарным характером диалектоносителя и является результатом прагматической установки – избежать коммуникативного давления на собеседника.

Значение сомнения основывается на предположении, однако главная задача диалектоносителя заключается не столько в том, чтобы выстроить предположение относительно какой-либо ситуации, сколько в том, чтобы актуализировать состояние неуверенности, нерешительность, колебание в том, что следует считать истинным или правильным: *У их свадьба была в*

⁸ Топтыгина Е. Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – С. 18–19.

пятницу – *ли в субботу ли была свадьба; Война началась, мне было четырнадцать лет, **вроде** так.*

С семантикой сомнения пересекается значение кажимости. В высказываниях с семантикой кажимости наблюдается расхождение между реальной ситуацией и ее обозначением как вымышленного, кажущегося, мнимого, гипотетического события. В качестве маркеров кажимости выступают модальные слова и частицы *будто, будто бы, как будто, вроде, вроде бы, как вроде, как вроде бы* и др.: **Вроде** *приотдаст – усну, а потом опять заболит [нога].*

В подразделе 3.2.2 «Экспликация типов знания в диалекте» маркеры с семантикой неуверенности условно (в силу полифункциональности персуазивных единиц) разделены на группы в соответствии с типом информации, который эти показатели отражают. Первая группа показателей персуазивности *будто/будто бы, будто как, как будто, ровно, как бы, вроде/как вроде, вроде бы как* и др. наряду с глаголами восприятия *видеть, слышать, чувствовать* отражает чувственный способ восприятия действительности: *Приточная трава на полях, свет как головочки. Листик **вроде** крапинки белёсовы; Мотовило – два сучка, а тут **вроде как** рогулька.* Вторая группа показателей персуазивности *наверно, поди, может быть, должно быть, однако (=наверно), авось-небось* и др. семантически соотносится с глаголами *думать, считать, допускать* и маркирует предположение, связанное с интеллектуально-познавательной деятельностью человека: *Такой жар, не знаю, **наверно**, ничё нынче не будет; У нас здесь чё: газ, нефть. Это ведь, **наверно**, всё влияет [на здоровье], мне так кажется.* Делается вывод о том, что актуализация категории персуазивности, как и актуализация авторизации, демонстрирует экспликацию разных типов знания: знания, полученные путем непосредственного наблюдения, и знания, приобретенные говорящим в результате логического умозаключения. Анализируемый материал свидетельствует о некоторой приоритетности информации, полученной в результате непосредственного чувственного восприятия, что вполне очевидно, поскольку основную информацию о мире говорящий получает чувственным путем.

Как представляется, способ получения информации может коррелировать с определенными типами персуазивных смыслов, представленных в диалектном высказывании. Так, информация, полученная говорящим с помощью органов чувств, проецирует: 1) семантику сомнения, возникающую на основе чувственного (как правило, зрительного) способа получения информации: **Вроде** *как-то этот, свет-то, скрадывало, как в темноту;* 2) семантику кажимости, отражающую перцептивное основание восприятия действительности: *Какой левень! А нонеча их левней. Пройдёт – **бы**дто бы вёдро станет, да нет.* Информация, полученная автором с помощью ментальных операций, соотносится с персуазивным смыслом предположения (обоснованного и необоснованного), осложненного

семантикой гадательности, допущения, возможности, желательности: *Сколько посылали тогда людей оттуда невинных. Это Сталин всё творил, наверно, дела такие.*

В подразделе 3.2.3 «Языковые средства выражения семантики неуверенности в диалектном высказывании» характеризуются лексико-грамматические средства выражения категории персуазивности.

Неуверенность говорящего в достоверности/недостоверности информации передается вводно-модальными словами и выражениями (35%), служебными словами и их сочетаниями: модальными частицами и союзами (41%), ментальными глаголами (2%), наречиями (2%), устойчивыми сочетаниями (3%), разнообразными модусными выражениями (2%), через призму которых отражается речевая культура говорящего, – некатегоричность, стремление говорить правдивую, истинную информацию (*токо слыхала так, не соврать бы, врать не буду*).

Репертуар используемых диалектоносителем модусных экспликаторов неуверенности включает единицы разной системной принадлежности: общерусские слова (*будто (бы), верно, видимо, видно, может, наверно*), диалектно-просторечные лексемы (*кажись, неужли, нешто, никак, поди*), собственно диалектные слова, преимущественно частицы и устойчивые сочетания (*бышно, или как (ли), правда ли неправда, то ли... то ли чё ли, чу ли что* и др.), диалектные и диалектно-просторечные варианты общерусских слов (*каже, мож, можа, може, как быдто бы*). Обилие операторов неуверенности в речи диалектоносителя – 85% (в сравнении с показателями с противоположной семантикой – 15%) обусловлено недостаточной информированностью говорящего по поводу того или иного факта, давностью событий (диалектоноситель вспоминает давно прошедшие события, стершиеся в памяти), а также может быть связано с особенностью речевой культуры говорящего, его установкой на некатегоричность коммуникативного поведения.

Глава 4 «Взаимодействие категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании» посвящена установлению механизмов взаимодействия авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

В разделе 4.1 «Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «своего» знания» выявляются механизмы взаимодействия указанных категорий в «зоне» выражения «своего» знания. Экспликация авторизационно-персуазивного комплекса возникает в ситуациях нечеткого восприятия, оптического обмана, восстановления событий по памяти, при выражении мнения, а также в сфере рационального знания. Механизм соприкосновения авторизации и персуазивности в данном случае представлен следующим образом: источник информации – сам говорящий → говорящий сомневается в истинности «своей» информации → комплекс авторизационных и персуазивных смыслов.

Неуверенность в истинности перцептивной информации порождается полным отсутствием чувственного восприятия (или его возможности): [*У вас*

не лезят в огород?]) *Да кто ё знат, ничё не видать было, не лазили* или его затрудненностью в силу тех или иных факторов (нечеткость восприятия, возникающая вследствие помех и разного рода «сбоев» в самом канале восприятия: плохая видимость, слышимость (шум, слабая освещенность, отдаленность объекта, туман, сумерки и др.): *А я слышу: чё-то как вроде бы крикнул кто-то – я ешо иду, ешо кричат.*

В большей части высказываний комплекс авторизационных и персуазивных смыслов эксплицируется в ситуации восстановления событий по памяти. Говорящий вспоминает давно прошедшие события, в силу чего его воспоминания носят неточный, недостоверный характер: *А я уже чё-то не помню, то ли нам платили за это – не платили.*

Причиной экспликации взаимодействия авторизации и персуазивности могут являться ситуации логического умозаключения. С одной стороны, умозаключения могут иметь характер логического вывода, который воспринимается самим носителем диалекта как единственно верный: *Нет, ей ничё не поможет. Потому что где-то заишемленье [нерва].* С другой стороны, высказывание носит характер неуверенного предположения, что происходит, когда данные, имеющиеся у диалектоносителя, недостаточны для точного логического вывода: *Иторвался он [пёс]. Думаю, привяжу, взяла, он как начал... А вот он, наверно, привязан, потому [сердится]. Долго привязан, я его не итпускала. Может быть, поетому.*

Механизмы взаимодействия авторизации и персуазивности в «зоне» выражения «чужого» знания раскрываются в **разделе 4.2 «Взаимодействие авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания».**

Механизм взаимодействия авторизации и персуазивности в сфере выражения «чужого» знания можно представить следующим образом: источник информации – другое лицо (или источник) → говорящий сомневается в истинности «чужой информации» → появляется «сплав» авторизационных и персуазивных значений.

Средства массовой информации в диалектной речи в большей части примеров представлены как авторитетный источник, не вызывающий сомнения. Это отражается в высказываниях, содержащих прямую оценку истинности сведений, полученных посредством СМИ: *Я чё по радио передают, я всё верю!* Оценка достоверности высказываний, отражающих мнение авторитетного для говорящего источника, обычно положительна. К подобным источникам можно отнести ссылки на авторитеты сведущих людей (врачей и др.), представителей старшего поколения, чьи слова воспринимаются как закон: *А ишо, отец сказывал, боялись какого-то Белого царя; Потом-от мама, я знаю из её рассказов, как приехали, в Баткате жили.* Однако в значительной части примеров чужая информация влечет за собой сомнения в ее достоверности (Т. В. Шмелева, 1988). Это вполне очевидно: человек оценивает информацию, полученную от чужих лиц, как менее достоверную, чем ту, которую он извлек из собственных наблюдений над явлениями окружающего мира.

Взаимодействие авторизации и персуазивности наиболее ярко проявляется в событийных пропозициях, отражающих сообщения, основанные на слухах. Слухи – достаточно «размытый», неопределенный источник информации и в силу этого не всегда достоверный: *А там сказали, Лёнька как вроде утонул ли чё ли...; А Лариса Андреевна сама врач, и в больницу положили... Чё-то, говорят, как будто поймала болесь.* Автор ссылается на неподтвержденную информацию – слухи, догадки, высказанные некоторыми людьми. За достоверность таких сведений трудно ручаться, поэтому они подвергаются со стороны диалектоносителя определенному сомнению. В ситуации слухов частотны глаголы слухового восприятия, которые употребляются в неперцептивном значении «знать по разговорам, слухам, передаваемым из уст в уста». Полученная информация приобретает «налет» недостоверности, поскольку в семантической структуре глаголов *слыхать, слышать* актуализируется дифференциальная сема «знать недостоверно»: *Но чё-то, я слышала, в Томском, там у меня живёт сестра, она от и говорила, что от эту самую церковь будут убирать.* Ср.: глагол *видеть* «знать достоверно»: *Я видела, я видела, со снохой пошли мы, когда его увезли.* Это обусловлено степенью доверия говорящего к источнику информации: более достоверна информация, полученная через зрительный канал восприятия.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования и намечаются перспективы изучения научной темы.

Представленная в работе методика описания модусных категорий авторизации и персуазивности, основанная на интеграции различных аспектов ее анализа, позволила описать исследуемые категории в комплексе и выявить особенности их актуализации в диалектном высказывании.

Актуализация категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании свидетельствует о том, что в диалекте отражаются различные способы получения информации – от непосредственного чувственного восприятия, формирующего эмпирико-событийный тип знания, до логического умозаключения, связанного с логико-обобщенным характером представления знания. Систематизация и характеристика способов получения информации, отраженных в диалектном высказывании, подтверждает тезис исследователей о некоторой приоритетности в диалекте эмпирико-событийного знания и, следовательно, о преобладании моделей целостного непосредственного восприятия окружающей действительности. Кроме того, характер актуализации категории авторизации в диалектном высказывании проявляется в некоторой сопряженности чувственных и логических способов получения информации, что проявляется в ситуации восстановления событий по памяти и апелляции к чужой речи.

Основную часть информации о мире носитель диалекта получает от других людей в ходе естественного непринужденного общения, протекающего в форме диалога или полилога. Опора на речь определенного круга лиц и некоторая замкнутость сельского социума обуславливает особый

характер категории авторизации в диалекте, отражающий традиции устного разговорного общения, и способствует сохранению целостности диалекта как особой формы коммуникации.

В диалекте представлено два основных способа ментальной обработки чужой речи: а) в ситуации непосредственного участия в диалоге; б) в ситуации «заочного» диалога. Более разнообразны оценки, комментарии, пояснения чужой позиции в ситуации «заочного» диалога.

Категория персуазивности в диалекте представлена широким кругом лексико-грамматических экспликаторов разной системной принадлежности, реализующих в диалектном высказывании комплекс разнообразных смыслов: экспрессивное утверждение, предположение, сомнение, осложняющиеся оттенками неопределенности, приблизительности, желательности и др.

Выделенные в работе два основных механизма взаимодействия авторизационных и персуазивных смыслов демонстрируют, что оценка достоверности информации формируется с учетом степени доверия говорящего к источнику информации. Наиболее достоверной является информация, приобретенная говорящим в результате непосредственного наблюдения, – зрительное восприятие. Менее достоверны, с точки зрения говорящего, сведения, полученные им опосредованно, из сообщения другого лица, в особенности сведения, поступившие через непроверенный «канал» информации, – слухи, догадки, высказанные другими людьми.

Перспективы исследования составляет разработка следующих аспектов: 1) изучение категорий авторизации и персуазивности с точки зрения взаимодействия с другими категориями модуса (оценочности, категоричности/некатегоричности, неопределенности, чуждости и др.); 2) жанроведческое исследование авторизации и персуазивности; 3) лексикографическое описание модусных показателей диалектной речи.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Латфулина (Боуфал) З. Р. Взаимодействие категорий персуазивности и авторизации в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4 (52), т. 4. – С. 25–29. – 0,5 п.л.

2. Латфулина (Боуфал) З. Р. Модусные показатели диалектного высказывания : авторизация и персуазивность / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 380. – С. 29–33. – DOI: 10.17223/15617793/380/5. – 0,58 п.л.

3. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Модусы авторизации и воспоминания в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 22–27. – DOI: 10.17223/15617793/389/3. – 0,66 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

4. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Группы слов со значением персуазивности в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Вестник филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске : сборник статей. – Томск, 2008. – Вып. 7 : Гуманитарные науки. – С. 138–140. – 0,17 п.л.

5. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Средства выражения некатегоричности в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Научное творчество молодежи : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 18–19 апреля 2008 г. – Томск, 2008. – Ч. 2. – С. 45–46. – 0,1 п.л.

6. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Средства выражения категории персуазивности в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов : сборник научных статей. – Кемерово, 2010. – Вып. 2. – С. 166–170. – 0,23 п.л.

7. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Кваликативные модусные смыслы в высказывании (на материале сибирских русских народных говоров) / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Традиции и инновации в филологии XXI века : взгляд молодых ученых : материалы всероссийской молодежной конференции. Томск, 23–25 августа 2012 г. – Томск, 2012. – С. 320–323. – 0,32 п.л.

8. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Категория авторизации в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы XIV Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 135-летию Томского государственного университета. Томск, 04–06 апреля 2013 г. – Томск, 2013. – Вып. 14, т. 1 : Лингвистика. – С. 219–221. – 0,15 п.л.

9. **Латфулина (Боуфал) З. Р.** Семантические типы авторизационных конструкций в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина (Боуфал) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сборник материалов I (XV) международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 1 : Лингвистика. – С. 83–88. – 0,28 п.л.

10. **Боуфал З. Р.** Категория авторизации в системе модусных смыслов диалектного высказывания / З. Р. Боуфал // Научное творчество молодежи. Гуманитарные науки : материалы XX всероссийской научно-практической конференции. Томск, 28–29 апреля 2016 г. – Томск, 2016. – Ч. 2. – С. 90–91. – 0,2 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 29-0417 от «27» апреля 2017 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28